

Юрий КЛЮЧНИКОВ

МИСТИЧЕСКИЙ
ПУШКИН



НОВОСИБИРСК
1992

Ключников Ю. М.
Мистический Пушкин.—Новосибирск;
СО «Детская литература», 1992 г., 16 стр.

ISBN 5-08-007563-5

© Ключников Ю. М.

Слово о поэте
на Четвертых уральских перихоровских встречах
5 июня 1992 года

ПРОРОК

Духовной жаждою томим
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился;
Перстами легкими как сон
Моих зениц коснулся он:
Отверзлись вещие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он,
И их наполнил шум и звон:
И внял я неба содроганье
И горний ангелов полет,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.
И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь и внемли,
Исполнись волею моею,
И, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей».

Помолчим минуту, вдумываясь в эти слова. Накануне дня рождения нашего великого поэта оценим красоту его явления и вечного присутствия в нашей жизни.

С развитием русской литературы (и не только литературы, и не только русской) все ярче высвечивается фигура самого, может быть, загадочного гения России — Пушкина. Почему загадочного, потому ли, что он писал, как пел?

Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой ...

Но звукозапись куда более изощренную мы можем встретить у Балмонта или у автора «шабли во льду с поджаренною булкой».

Глубина мысли? Но таковая больше отличает Достоевского.

Жизнь? Но она ярче и насыщеннее у Толстого.

И тем не менее никто из русских литераторов не вызывает такого всеобщего почитания, почти обожествления, как Пушкин.

Даже, мало кого уважавший из собратьев по перу, заносчивый Маяковский, пытавшийся снисходительно похлопать по плечу бронзового Пушкина на Тверском бульваре, даже он не удержался от восхищения, цитируя мастерские строки из «Онегина»:

Я знаю, век уж мой измерен,
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я.

Так в чем же тайна пушкинского магнита?

Мне думается, в светоносном зерне гармонии, которым светилась, дышала натура поэта и все, что он делал. Он назвал Моцарта сыном гармонии, но то же самое он мог бы сказать о себе.

Кто заронил в него это сияющее зерно?

~~Мать поэта~~ и ее окружение были конечно, весьма интеллигентными, но никто из родственников и окружающих Пушкина людей не отважился бы на включение в духовную родословную поэта. Да и сам он не стал прямым духовным отцом для последующих литераторов, очень уж необычно съехал поэт с квартиры на Мойке на Святые горы, а затем на Тверской бульвар. Мало прольют света на сущность пушкинского гения и разного рода генетические теории. Ну кто поверит, чтобы столь гармоничный человек мог появиться в результате мутационного генетического взрыва? Остается Провидение. Но ведь не укладывается в голове, что этот в высшей степени свободный, даже своевольный человек мог ходить на поводке Провидения.

Оставим Провидение в покое. Пушкина мог создать и создал, конечно, сам Пушкин, точнее та бессмертная индивидуальность, которая жила в поэте.

На Востоке издревле бытует вкоренившееся в сознание многих представление о перевоплощениях душ. Согласно таким представлениям человек живет в земном теле не один, но много раз. И в каждом новом воплощении прибавляет к своей монаде, к своей духовной индивидуальности, кочующей из тела в тело, новые духовные качества. Гирлянда воплощений как бы надета на ось монады, которая при правильной эволюции становится все объемнее, богаче и светоноснее.

И вот наступает время, когда духовная монада выполняет свою работу на Земле и должна покинуть ее, чтобы начать космическое восхождение на другой планете или на самом Солнце. Подобные духовные полеты заложены в природе каждого без исключения человека, говорят индусские и тибетские мудрецы.

Попробуем взглянуть на жизнь Пушкина с такой точки зрения.

Вот мы видим отменного хлебопашца где-нибудь в древнем Египте. Из года в год он старательно обрабатывает землю, за что вознаграждается хорошими урожаями. Хлебопашец доживает до глубокой старости, унося с собой в Тонкий мир громадные наработки *трудолюбия*.

Затем дух хлебопашца, или скажем по другому, — его духовная душа рождается в древней Македонии и становится воином Александра Македонского. Этот солдат или военачальник разделил все тяготы походов великого завоевателя, показал себя храбрцом во многих сражениях, в одном из них пал на поле брани, прибавив к своей духовной монаде стойкое качество *мужества*.

Далее мы встречаем мудрого управителя княжества в Индии. Раджа трудолюбив, храбр, очень радует о своих подданных. Он умирает, оставив княжество в цветущем состоянии, а свою монаду обогатив качеством высокой *ответственности*.

Нет нужды описывать в каких воплощениях будущий Пушкин воспитал в себе талант ученого, наработки семьянина, дар писателя. Остановимся на таком отрезке его жизни, как, скажем, монаха среди учеников Сергия Радонежского. Конечно, это был один из самых светлых и способных отроков. Пройдя школу духовного совершенствования под руководством величайшего Учителя России, возрадив в себе качество *Духовной гармонии*, вступив в непосредственный контакт с Иерархами космической эволюции, он приготовил себя к переходу на новый уровень космического бытия. И тогда он сам пожелал совершить последний акт земного служения в качестве великого поэта и культурного патриарха России. Космические водители Земли благословили его на этом пути и обещали свое содействие. Так в 1799 году в России родился Пушкин.

С подобной схемой согласятся, конечно, не все, и потому что сама идея реинкарнаций не вполне утвердилась в сознании людей, и потому что схема излишне детализирована. Но это для образности. Реинкарнации могли быть другими, в других странах, соединять воспитание ряда качеств за одно воплощение и т. д.

Главная мысль наша состоит в том, что Пушкинский гений подготовлен многими отрезками земной жизни и многими предшествующими трудами избранной индивидуальности. Индивидуальность потому-то и выбрана Богом как приемник Его священного дара, что право это добыто огромными усилиями; в любом другом случае можно говорить не о священном даре, но о случайной подачке, что несовместимо с нашими понятиями о Боге. Когда религиозный подвижник устаивается божественного видения — это всегда результат напряженной духовной работы многих лет. Пушкинский случай особый — нет аскетических подвигов, нет концентрации на Иисусовой молитве — все это пройдено в прошлых жизнях, а эта уже в середине осенена видением Архангела. Именно так понимаю я Встречу, которой удостоился поэт и которую

он описал в стихотворении «Пророк». Многие комментаторы Пушкина поясняют, что в основу стихотворения легли отдельные мотивы VI главы книги пророка Исаии, хотя автор «далеко уходит от библейского сюжета». С гораздо большим основанием можно считать, что Пушкин в своем духовном опыте «далеко ушел» от рядового сознания и видел то, что видели некоторые христианские старцы или что озарило Арджуна в «Бхагаватгите» — вселенский облик Кришны. В пользу такого прочтения «Пророка» говорит поразительная точность в описании огненной встречи, одновременное всеохватное видение бытия, факт «как труп в пустыне я лежал». Пережившие такие озарения подвижники теряли сознание, седали. Характерны стилистика «Пророка», насыщенная возвышенной лексикой, печать торжественности на каждой строфе — свидетельство необычайной ответственности, с которой поэт отнесся к мистическому факту своей биографии.

Пушкин и мистика! Но это же несоединимо, — возразят многие. Конечно, несоединимо, если считать мистикой «нечто и туманну, даль», над чем посмеивался сам Пушкин, воплощение ясности, простоты и меры. Но если такие качества превосходят все зримые и мысленные образцы, то разве это не величайшая тайна?

Манипуляции средневекового химика, преобразующего с помощью философского камня неблагородные металлы в золото, всегда относили к области мистики. Но когда поэт соединяет обычные слова и нечто необычайно-прекрасное — как это назвать? В конце концов дар алхимика может сделаться проклятьем; древний царь жестоко страдал от того, что каждое его прикосновение превращало вещи в золото. А пушкинские прикосновенья, высветляли все, превращали материю обыденности в золото гармонии, и благодать этих прикосновений люди сохраняли на всю жизнь. Каким «философским камнем» владел поэт? Не мистика ли это высочайшей пробы?

Среди лицейских друзей Пушкина были и заурядные чиновники, и ловкие царедворцы, и неудачники, но как облагорожено лицейское окружение лучами пушкинской индивидуальности. В противоречивой личности Петра, вызывавшего и вызывающего до сих пор проклятия одних и пietet других, поэт увидел красоту и ужас, соединив несоединимое словами «Божия гроза».

Выходит Петр. Его глаза
Сияют, лик его ужасен,
Движенья быстры. Он прекрасен.
Он весь как Божия гроза.

Но нигде пушкинское волшебство преображения матери не проявилось так ярко, как в стихах о женщине. И первое, что приходит на ум, «Я помню чудное мгновенье», — может быть, самый драгоценный камень в ожерелье мировой любовной лирики. Столь высоко поднял женщину лишь Блок в «Незнакомке». Но то, что прошло перед Александром Бло-

ком астральным видением, то Пушкин разглядел в земной женщине Анне Петровне Керн. С тех пор образ этой женщины, преображенной лирой русского Орфея,— как молитва, как духовный порыв, как благословенные розовые очки, через которые смотрит каждый здоровый мужчина на любимую им женщину. Хотя... хотя очевидцы говорят, что Пушкин не щадил женщин, к которым его чувство угасало. Лишь одна из них не знала охлажденных чувств поэта, лишь к одной эти чувства постоянно росли. Это была жена — наименее интересный объект для большинства сочинителей.

Пушкин как природа одновременно изменчив и постоянен. Он больше, чем поэт, больше, чем мудрец, и основоположник чего-то. Он — часть журчаний наших ручьев, шума листвы, синевы неба. Поэтому в эпоху искусственности всего, творимого человеком, мы припадаем к пушкинскому роднику, чтобы не захлебнуться в зловонных стоках конвульсирующей цивилизации.

Да, мы собрались здесь не только ради возвышенных словопрений в честь нашего великого поэта. Мы хотим выжить. А выжить — значит попытаться вписаться в планы Всевышнего, попытаться услышать Голос Его, послужить Ему. Такое служение не может быть угрюмым, фанатичным и злобным. Посмотрите, как много нетерпимости в политике. Но ведь то же самое сплошь да рядом присутствует в течениях, считающих себя духовными. Ладно, если бы речь шла о старых религиях, перегруженных многовековым багажом догматизма, а то ведь самые новейшие облеплены маленькими грамотеями, которые щедро разбрасывают определения, кто темный, а кто светлый. А вольнодумец Пушкин писал: «Да брат мой от меня не примет осужденья». Вот потому-то и видится мне в Александре Сергеевиче последний истинный язычник или первый русский агни йог, хотя остается он прежде всего замечательным примером православного христианина.

Маяковский говорил: «Тот, кто постоянно ясен, тот по-моему просто глуп». Грубый космос Маяковского тоже тяготел к простоте и ясности, ибо к чему же тяготеть? Но певец атакующего класса с трудом проби- вался к тому, что ходатай к Солнцу за все классы носил в себе изначально. И не побоялся сказать, что поэзия должна быть немного глуповатой. Глупостью ребенка. Поэтому сам Пушкин, как все великие мудрецы жизни и литературы — Сократ, Дон-Кихот — был похож на дитя. Будьте, как дети, рекомендует Библия. Именно «как», потому что детскость не равнозначна инфантильности. Когда же человек, пройдя многие испытания многих жизней, снова становится «как дитя», т. е. открытым, ясным, бесхитростным, сохраняя при этом лучшие качества мужчины, он готов к старту на новом уровне Бытия.

О Пушкине написано сотни томов, защищены тысячи диссертаций. Все вроде бы до косточек разобрано в этой сияющей жизни. Но белые пятна есть, например, вопрос о масонстве Пушкина. Поэт был масоном.

Как Моцарт, Гете. Но чем он занимался в своей масонской ложе, об этом не знает никто. Существует мнение, что декабристы, многие из которых тоже были масонами, не посвящали поэта в свои планы. По одной версии потому, что оберегали гения, по другой — потому что боялись, дескать, откровенный Пушкин где-нибудь проболтается и выдаст заговорщиков.

Но откровенность в Пушкине знала границы, недаром он был сыном гармонии. Не выдал ни декабристов, ни одним словом не обмолвился и о собственных масонских занятиях, эту тайну он унес в могилу. Потому-то сегодня патриоты тщатся соскоблить с Пушкина масонское клеймо, «демократы» породнить его чуть ли не с Бнай Бритом, а «центристы» доказать, что масонство было недолгим ребяческим увлечением поэта. Может быть, правы последние. Но сам Пушкин об этом молчит.

Не повезло после смерти Пушкину-семьянину, хотя при жизни в этом качестве он был вполне счастлив. Кое-кто пишет о жене поэта с плохо скрываемым пренебрежением. Порой таким пушкинистам вторят личности весьма достойные. Точно строгоя мать отчитала Пушкина за плохой, по ее мнению, выбор жены Анна Ахматова. Тонкая Марина Цветаева, оставившая немало глубоких заметок о поэте, к жене его испытывает нечто вроде ревности, как будто сама могла доставить Пушкину столько прекрасных минут, сколько их доставила Наталья Николаевна.

Пощадим интимные чувства поэта, если не умеем им поклониться. Пушкин любил жену. Этим сказано все. Любил щедро, ревниво, по-царски. В красоте Натальи Николаевны тоже присутствовала какая-то царственная таинственность, привлекавшая взоры и сердца петербургского света. Сам Николай I вздыхал по Наталье, но хорошо понимал, чья она жена. Будь рядом с ней другой, царь наверняка воспользовался бы своим положением, ведь любовная интрига с царем в ту пору не считалась изменой, но актом величайшей милости. Для любого дворянина, но не для Пушкина. Сама мысль о том, что он может стать рогоносцем приводила его в ярость. Он, пожалуй, и Николаю послал бы дуэльный вызов, если бы был уверен, что задета супружеская честь.

Себе же самому сохранял право «ставить рога» многим мужьям. Оставил не только десять томов сочинений, но и обширный список женщин, с которыми находился в любовной связи. Последнее обстоятельство очень смущает строгих блюстителей нравов и, наоборот, вдохновляет иных из поэтов, которые стараются обогнать Пушкина хотя бы по этой части. Я сам знаю одного такого, который хвастался, что к 37 годам превзошел числом побед над женщинами на 50 единиц Пушкина.

Но как все-таки объяснить сей факт в жизни человека, названного Анной Ахматовой «великим моралистом»? А так и объяснить, как есть. Необъятные силы вложила природа в этого человека, столь могучие, что не могли их избыть ни воловья работа, ни враги, ни жена. Он и растрачивал их на женщин. А взамен получал лучшие женские чувства, отливавшиеся затем в чеканные стихи и в прозу. Ведь самое лучшее, что может

получить мужчина на этом свете, дает ему Бог, во-вторых, женщина. Кроме того, в любовных историях Пушкина нет и грана жеребьячества, скажем, Казановы. Для этого достаточно сравнить однообразно-тусклые описания походов и побед в дневниках итальянского авантюриста с теплом и светом пушкинской лирики. Впрочем, «гений чистой красоты» совсем не лишен у Пушкина земной тени. «Намедни с Божьей помощью... А. П. Керн». Но какие побеги пошли по белу свету от подобных пушкинских многоточий. Сотни потомков от Гонолулу до Флоренции.

Родившийся с «солнцем в крови», он передал потомкам часть своей духовной мощи даже чисто физиологически. Когда родилась первенец Маша, Пушкин писал В. Ф. Вяземской: «... представьте себе, что жена моя имела неловкость разрешиться маленькой литографией с моей особы». Нетрудно вообразить женскую копию внешности Пушкина. Вдобавок бабка Надежда Осиповна, мать поэта, боялась, что внучка не выживет, очень уж слабенькой росла. И что же! Болезненная дурнушка выровнялась в экзотическую красавицу, сохранившую отменное здоровье и эффектную внешность до глубокой старости — родившаяся в 1832-м, она в 1918-м получила пенсию от «самого» Луначарского.

Среди потомков Пушкина — генералы, графы, герцоги, красноармейцы, преуспевающие бизнесмены и особы королевской крови. Внучка поэта Софья Николаевна стала женой великого князя Михаила Михайловича Романова, а ее потомки породнились едва ли не со всеми дворами Европы. Если посмотреть на ветви пушкинской родословной с национальной точки зрения, то русско-арапская кровь смешалась с английской, немецкой, шведской, итальянской, французской... Поэт как бы вобрал в себя весь мир, хотя этот прочий нерусский мир считает по преимуществу нашим национальным явлением, не больше.

Мне приходилось говорить о Пушкине с просвещенными иностранцами. Они его знают и ценят больше с нашей наслышки, в глубине души предпочитая Гоголя, Толстого и Достоевского. Это понятно. Пушкин непереволим. В переводе он теряет ритм, мелодию и то нечто, что ведет диалог с тончайшими, неизученными структурами нашей психосферы. Мне случалось читать стихи Пушкина детям, которые почти не говорили. И они, мгновенно отвлекавшиеся от Маршака, Чуковского, Барто, слушали стихи Пушкина. Я сделал вывод, что слово поэта помимо даже гениального человеческого смысла содержит отзвуки того Слова, которое гностики обозначили термином «Логос», а индуисты назвали Шабда-Брахман — Бог звучащий.

В своем посмертье он пережил не только обожание, но и медногорлую хулу Дмитрия Писарева, пощечины футуристов, разграбление Михайловского, надругательство толпы пьяных красноармейцев над одной из своих праправнучек. Пуще всего он опасался русского бунта, бессмысленного и беспощадного. Эти его пророческие слова чаще всего относят к братоубийственной смуте 1917—1920 гг. Но главное остережение Пушкина направлено не против самого бунта, а против тех, кто его разжигает, кому собственная головушка — полушка и чужая шейка — копейка.

Этим людям поэт дал точное и емкое определение «чернь». Конечно, в истории они назывались по-другому: революционные, конституционные, социал- и просто демократы — нетерпеливые безумцы, обуянные жадой все разрушить до основания, а затем... Пушкин был слишком умен, чтобы клеймить этих «лучших» представителей отечественной интеллигенции, он пытался чувства добрые в них лирой пробудить, впрочем, не предаваясь иллюзиям насчет воспитательной роли поэтического слова. Задачу приведения черни к здравомыслию и послушанию лучше, по его мнению, выполняют бичи и топоры.

Подите прочь! Какое дело
Поэту мирному до вас?
В разврате каменейте смело,
Не оживит вас лиры глас.
Душе противны вы как гробы.
Для вашей глупости и злобы
Имели вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры.

Это и о нас сегодняшних. О каждом из нас. Ведь слепое распятие России не закончилось. А воскресение и вознесение начинается лишь тогда, когда человек идет на крест сознательно. Мы все еще колеблем треножки не только святынь, но и треножник государственности. Для нас тусовка одной и той же колоды карт стала прообразом человеческого взаимодействия — но шестерки не становятся королями, в какой бы парик они не нарядились. И вновь и вновь поднимается бич страданий, гонит ряженных в темницу или на плаху. И вертится без остановки знаменитое колесо Будды — колесо сансары, в каждой спице которого — истина страдания. Но время от времени рождаются люди, осознающие, что жить — значит мыслить и страдать. Страдание не является для них целью, о нет! Осмысление страдания — вот единственный выход из-под власти этого проклятья. Среди них христианин Пушкин.

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал...

Переводил с английского и немецкого, поклонялся Байрону, обожал Моцарта, но оставался при этом русским человеком. Глубоко и сильно присутствовало в нем русское, я бы даже сказал, мужицкое начало при всем внешнем европейском лоске и при всей духовной отзывчивости его ко всему миру.

Свят Иван, как пить мы ставем,
Неприменно уж помянем
Трех Матрен, Луку с Петром,
Да Пахомовну потом.

Или: Мой идеал теперь хозяйка,
Мои желанья — покой,
Да шей горшок, да сам большой.

... Радуга пушкинской музыки одним плечом опирается непосредственно на народную почву, а другим уходит в заоблачные высоты, минуя все промежуточное, а пуще всего полукультурные слои, уже оторвавшиеся от крестьянского чернозема, но еще не прибившие к белым облакам подлинной интеллигентности — ядовитая пена отравляющая оба берега реки жизни. Этой пены в наши дни куда больше, чем в пушкинские, из-за резко ускорившегося течения реки. Вечным напоминанием о глубинной чистоте жизненного потока склонилась над нами кудрявая голова ясноглазого патриарха русской словесности, который выше всех достоинств почитал в человеке чувство чести (слова однокоренного с чистотой). И сам обладал этим чувством в высшей степени. Добавим — чести русского человека. Сегодня многим из нас, теряющим честь с катастрофическим ускорением, не лишне вспомнить гордые слова поэта, обращенные к тем, кто раньше времени хоронил Россию, к ее клеветникам.

Вы грозны на словах — попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завивать свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?

И вот я думаю, неужели эти надежды нашего великого поэта закончились в 1985 году? Или зашедшая в тупик перестройка — очередное помрачение, которое случалось с Россией не однажды?

Помнится, нам в школе трактовали стихотворения «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России», как шовинистическую слабость поэта, который по природе, дескать, был интернационалистом. Каких только политических ужимок не претерпел поэт. Но обозревая русскую историю с его времен до наших, я не помню времени когда бы русская литература, да и вообще русское общество, болели шовинизмом. И сегодня можно встретить латышский, эстонский, литовский, еврейский шовинизм, а русского что-то не слышно. Наоборот, русских теснят, оскорбляют, учат уму-разуму и бросают подачки, а они смиренно терпят. Обретем ли национальное достоинство хотя бы в чуть приближенном к пушкинскому виде?

Временами Пушкин возникает на сцене театров чуть ли не в роли первого русского диссидента. Это он-то с восторгом встретивший весть о взятии мятежной Варшавы войсками Паскевича. Неглубоко вникли мы в природу пушкинских противоречий, ибо над всеми ними, а их у Пушкина действительно не мало, возвышается мудрое начало гармонии, вмещающей и хвалу свободную царю, и мечту о России, которая поднимется на обломках самовластия.

Противоречивость такого рода есть противоречивость самой Истины. Пушкинский гений, замкнув круг из множества упорно отработанных жизней, приходит к величавой, всевмещающей простоте и чистоте, которые подобны водам Байкала — вот оно дно, рядом, а на самом деле глубина — 30 метров.

Пушкин никогда не жаловался на судьбу. Как настоящий мужчина и истинный философ. Его не занимали вопросы, почему в мире столько страданий, а счастье не достижимо. Он принимал условия земной игры как суровую божественную необходимость. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать». «На свете счастья нет, но есть покой и воля». Тем не менее в сочинениях и в жизни Пушкина найдем тысячи опровержений только что сказанного. Поэт был счастлив в друзьях, в любовных увлечениях, в семейной жизни. Случались ссылки, другие унижения со стороны властей, но страдальцем Пушкина никак не назовешь. По своему материальному достатку он, конечно, не был вельможным аристократом, но и в бедняках, даже в середняках не ходил. Кроме того, оставил сто тысяч долгу; в конвертируемом нынешнем измерении — это, пожалуй, несколько десятков миллионов долларов. Николай I после смерти поэта уплатил долг, но и Пушкин в должниках не остался, возвратил взятое с великой лихвой. Сколько дохода принесли его сочинения русской казне!

Занимал десятикомнатную квартиру в столице, был хозяином двух имений со многими десятками гектаров земли. Словом, жил на широкую ногу, как ни один аппаратчик большевистской или демократической ориентации, не сгибая при этом «ни помыслов, ни совести, ни шеи». А если вспомнить, что закончил Царскосельский лицей — лучшее учебное заведение всех времен и народов, если учесть раннюю профессионализацию и славу, если оценить всю красоту и величие его ухода из жизни на самом гребне духовного расцвета, то трудно найти в истории равного ему баловня судьбы.

Но...

И с отвращением читаю жизнь мою,
И слезы лью...
Но строк печальных не смываю

Ах, Александр Сергеевич! Нам бы ваши проблемы. Нам, погруженным в заботы о всеобщем покаянии, но только не о собственном. Поневоле среди потопа взаимных разоблачений и обвинений задумаешься, а как вел бы себя Пушкин в брежневское или в нынешнее время?

Думается, такому прекрасному цветку, как Пушкин, нужна особая почва. Как и Моцарту. Слишком суровые испытания не для них. Но индивидуальность, воплотившаяся в похожем на обезьянку, но самом прекрасном человеке своего времени, в 20-м веке могла бы сменить цилиндр и крылатку на мундир маршала или халат ученого, — обладал поэт и таким потенциалом. Но уж кем бы не стал наверняка, так это пере-

вертышем и приспособленцем, он, выбравший эпиграфом для «Капитанской дочки» слова: «Береги честь смолоду».

Жило в нем такое нечто, превышающее все крылатки и маршальские мундиры вместе взятые. На вершине славы, в расцвете сил он писал:

Давно завидная мечтается мне доля —
Давно усталый раб задумал я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

Что за обитель?

Михайловское? Монастырь за облаками, описанный в кавказском стихотворении? Или та наша вечная, недостижимая на земле Обитель, к которой шел Пушкин в предсмертном бреду? Выше! Выше!— слышали друзья, находившиеся у смертного одра поэта из его бледнеющих уст.

Да, это был царь духа.

Забрел он однажды без предварительной договоренности к кому-то из друзей. Слуга проводил поэта в детскую и попросил подождать — хозяйка скоро вернется. Когда те, наконец, подошли, они застали Пушкина в обществе их маленького сына. И чем вы думаете занимались царь духа и карапуз? Они сидели на полу и плевались друг в друга. Кто метче. Оба при этом хохотали.

Но если бы кому пришло в голову умилиться ребячеством поэта и похлопать его по плечу, чего доброго мог последовать вызов на дуэль. Душа-человек был еще и порядочным задирой.

Пушкину подражать невозможно. Можно быть толстовцем, марксистом, нищезанцем, на худой конец гитлеровцем. Но пушкинистом — только в однозначно-академическом смысле. С какой бы стороны мы ни смотрели на поэта, он явление штучное.

В качестве литератора, уже говорилось, он не оставил школы. Можно говорить о влиянии Блока, Мандельштама, Твардовского на творчество того или иного стихотворца. У Пушкина нет продолжателей. И в то же время вся русская поэзия развивается и еще долго будет развиваться под пушкинским солнцем. Он писал стихи, до которых по способу думанья и чувствования не дорос ни один поэт. Например, «Я вас любил, любовь еще, быть может...». Или «Не дорого ценю я громкие права...». В этом последнем стихотворении есть такие строчки:

Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать.
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура...

Но это же почти святотатство! Не заботится о мире во всем мире, не ругать цензуры, от которой изнывало столько поэтов и непоэтов! Сегодня в печати то и дело появляются сочинения, помеченные 50-ми, 60-ми, или 70-ми годами. Раньше не могли быть опубликованы по

цензурным соображениям. А Пушкин не печатал свои лучшие стихи по собственной воле. Потому что это были стихи, которые подобно «Из Пиндемонти» принадлежали XX и XXI векам. «Ты сам свой высший суд». Строки часто повторяют, но кто ими живет?

Позднего Пушкина часто не понимали даже самые близкие и тонкие друзья. Человек типа Байрона предался бы по данному поводу скорбным раздумьям и с гордым презрением озирали бы недостойную толпу. А Пушкин смотрел на друзей, хотя и умных, но обыкновенных людей, своими прекрасными, всепонимающими голубыми глазами и говорил:

Друзья мои, прекрасен наш союз!

«Пророка» при жизни Пушкина не понял никто. Федор Тютчев — другой гениальный сын России — усмотрел в стихотворении кощунственную претензию литературного собрата и разразился стихотворением-пародией. Как реагировал Пушкин? Напечатал в очередном «Современнике» большую подборку стихов оппонента. Солнце не мстит никому.

Когда читаешь самых великих писателей, восхищаешься красотами стиля, отвагой мысли или даже космическими прорывами в глубины Мироздания. Но при чтении Пушкина, вглядывании и вдумывании в его поступки, облик, ауру охватывает какое-то огромное чувство радости, что Земля и Россия предоставили возможность воплотиться такому совершенному типу человека.

Вот мы собрались в этом зале, чтобы помянуть ослепительный метеор, промелькнувший на мгlistом небе николаевской эпохи. А сегодня мгlistое небо стало черным, оно до горизонта затянато густыми тучами, в каждой из которых по апокалиптической молнии. А над ними трубы архангелов, горящая сера эт цетера самого скверного характера. Время ли говорить о Пушкине?

Но о чем же говорить в часы мрака, как не о солнце? Тем более о солнце незакатном.

Разве за густой ночью не следует ослепительный рассвет? И не перед заутреней ли больше всего беснуются бесы? Посмотрим на них со всевмещающей улыбкой Пушкина — пусть потешаться, все равно скоро сгинут. Нам бы не сгинуть вместе с ними. Мы порой так часто их ругаем, что не замечаем, как сами срослись вместе с ними. А Пушкин замечал.

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам.

Этим грехом было не только женолюбие, но лень, растрата себя по пустякам, раздражительность — мало ли какие бесенята не торчали из-под фалд пушкинского фрака. Важно то, что прекрасное дитя человеческое сам себя не считал таковым. Многие стихи 1836 года — покаянная сюита, настойчивое возвращение к евангельской теме. Пушкин не однажды рисковал жизнью и смерти как таковой не боялся. Но страшился по-

смертного суда и эдских мучений — тоже. Исследователи говорят, что чувство раскаяния, мысль о том, куда пойдет душа после смерти стали главными заботами 37-летнего Пушкина. Однажды во сне явился ему старец и спросил: «Тебя гнетет вопрос, заслужил ли ты царствие Небесное?». «Да», — ответил Пушкин. «Так вот отвечаю тебе — заслужил». После этого видения поэт якобы стал спокойнее.

Конечно, царствие Божие не покупается. Даже блестящими заслугами Служения. Можно выполнить в полной мере свой земной долг и намотать на карму личной ненавистью, личной завистью или другими отрицательными качествами крупный долг. Но Пушкин в последние годы и дни шел стремительно еще и по дороге раскаяния. Нет на этот счет громких заявлений. Есть дела.

Отчаянный ловелас, он стал образцовым семьянином, атеист и вольнодумец пришел к выводу, что атеизм — состояние, противное человеческой природе. Есть такая дневниковая запись на французском языке.

Погиб поэт, невольник чести.
Пал оклеветанный молвой
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой.

В этих стихах Лермонтова о Пушкине все правда, кроме жажды мести. Не было такой жажды у отходящего в мир иной поэта. Когда Дантес пришел проститься с умирающим лицейским другом, он спросил, какие распоряжения будут относительно Дантеса. Можно не сомневаться — дай Пушкин хотя бы малый знак, друзья поэта «достали» бы француза, где угодно, в России или за границей. Его бы вызвали на дуэль и убили. Но Пушкин категорически запретил мстить...

Справедливо сказать, что своей жизнью Дантес обязан Пушкину. Но по-своему справедлив был и Дантес. Нет ни малейшей тени на царя, который сделал все, чтобы предотвратить дуэль. Все эти многолетние сплетни о заговорщике-монархе, о трусливом французе, явившемся на поединок в бронжилете и сделавшем преждевременный выстрел — все это унижает ослепительный пушкинский финал. Развязка произошла по всем правилам тогдашнего понимания чести. Дантес поднял руку на гения прежде всего по причине ужасных оскорблений, выраженных по его адресу и по адресу его приемного отца в известном письме Пушкина Геккерену.

По всем законам божественного воздаяния Дантес должен был понести наказание за грех отнятия жизни у божественного посланника. Но и здесь мы имеем дело с парадоксом. Изгнанный из России молодой шуан отлично устроился на родине, став сенатором и пэром Франции. Он даже хвастался: не будь дуэли, не было бы такого счастливого поворота в его судьбе. Но все это видимая часть кончины Пушкина. А невидимая, мистическая (сегодня это можно утверждать с полным правом) заключается в том, что Пушкин полностью выполнил свое земное предназначение. Оставалось завершить его блистательной точкой. И дуэль за честь

женщины, за свою собственную честь стала прекрасным завершением уникальной жизненной драмы великого поэта. Если бы смертной точкой стала болезнь или несчастный случай (гадалка Киркгоф предсказывала такой возможный вариант), вряд ли образ Пушкина нам запомнился ярче.

А доживи Пушкин до восьмидесяти? Ведь ему еще в молодости было сказано: «Если в тридцать семь не умрешь от руки белокурого человека или от белой лошади, доживешь до глубокой старости». Гадание — дело неблагодарное, но все-таки с большой степенью вероятности можно предположить, что пройду четко наметившуюся покаянную полосу жизни, Пушкин скорее всего сделался бы старцем-праведником. Но появившись на Руси еще один святой праведник, страна бы потеряла удивительное, неповторимое явление праведника грешного.

Божественная «запрограммированность» феномена Пушкина, если употребить по отношению к нему такую хилую метафору, для меня несомненна, так же как и его современника Серафима Саровского. Две великих души по велению Высших Сил и по собственной воле воплотились в России накануне ее великих испытаний и перепутий. Одной душе был назначен религиозный путь, другой — светский. Два примера, две ипостаси единого Служения. Кто послужил лучше, нам ли судить?

Но судят. В свое время попалась мне небольшая книжечка архимандрита Иоанна, вышедшая в Берлине в 1922 году под названием «О религиозности Пушкина». Посетовав на то, что поэт почти не ходил на причастие и на исповедь, что он посмеивался над попами, сравнивал жену с Богородицей, помянув другие грехи Пушкина, архимандрит поставил ему в пример Достоевского. И высказал такую мысль: окажись Пушкин на Сенатской площади во время известных событий, судьба его могла сложиться по образцу судьбы автора «Братьев Карамазовых». Сибирь, покаяние, воцерковленность... Но сам Достоевский склонялся в почти религиозном поклоне перед автором баллады «Жил на свете рыцарь бедный».

Итак, религиозен ли Пушкин? В высшей степени. И не только Пушкин последних лет жизни, но и юный, заблуждавшийся, друживший со всеми богами языческого пантеона. Такая религиозность куда трудней воцерковленной, монашеской, ибо последняя защищена высокими заборами традиций и чина, а здесь человек обдут всеми ветрами искушений и сдобы. И распятие в конце пути — обычный удел религиозности подобного рода.

Пушкин умер как истинный христианин... А жил как молодой Кришна. Тот играл на свирели, этот на лире. Тот имел оттенок кожи синеватый, этот — темноватый. Там — гарем пастушек, здесь — светских красавиц. Мы часто клянемся в своей приверженности Богу живому. Осмелюсь утверждать: это и был Бог живой. Лучшая из тварей Отца Небесного.

Блок выразился однажды по поводу Пушкина так: «Мы поклоняемся Пушкину как Богу, хотя и знаем, что он не Бог». Станные слова. Что такое Бог или небог, не знает никто. Прекрасно на этот счет высказался

великий Ориген: «Наш ум своими силами не может постичь самого Бога, но познает Отца всех тварей из красот дел и великолепия Вселенной». Именно эта великолепная тварь Пушкин являет, как, может быть, никакая другая, очарование творения Отца Небесного. Сидящие здесь понимают, о каком Отце идет речь — о Том, Который из века в век, из зона в зон напрягает внутри нас Силы совершенствования и тихо зовет присоединить к ним усилия личности. Чтобы ввести Бога внутрь человеческой души, написаны тысячи книг и явлены тысячи примеров. Собственно, Бог никогда и не выходил из нашей души и лишь наша затаенная инфантильность отделяет Его от нас суетой обихода, иконой, ореолом гения или вершинами Гималаев.

Если разделительная стенка убрана, это может увлечь наши земные «низины» задачей небесного преображения, а может, наоборот, ввести в соблазн «подсадить» гения на собственный малогабаритный пьедестал или попытаться подрисовать ему «тонкие эротические ножки».

«И это пройдет», — говорил библейский пророк, родня пророку поэтическому.

До сих пор, худо-бедно, человеческое общество развивалось, отделяя Высшее от низшего. XX век все смешал, а конец века в России дал трещины повсюду — в духе и материи, в капитальных понятиях Добра и зла. Но острова, подобные Пушкину, неподвластны и 12-балльным землетрясениям. Такие острова есть новая земля под новым небом апостола Иоанна.

Гоголь и Достоевский назвали Пушкина человеком XXI века. Говоря языком Агни Йоги, Пушкин — представитель шестой расы, хотя не успел прочесть ни одной книги нового Провозвестия. Но не сделаемся буквоедами-книжниками, которых уже немало «обустроилось» вокруг молодого Учения. Чтобы получить пропуск в шестую расу меньше всего потребуются казенная печать нового Провозвестия. Дух искренности, дружелюбия, гармонии — вот знаки Новой Эпохи.

В малолетстве он был увальнем, а потом вдруг превратился в живого как ртуть ребенка. Что с ним произошло?

О «Пророке» не обмолвился ни одним комментарием, хотя самые закрытые старцы-монахи рассказывали ближайшим ученикам о посещавших их высоких видениях.

Говорят, в Таганроге нашли тетрадь его, завещанную распечатать в конце 20-го столетия. Там будто бы расписана русская история XX и XXI веков, на манер Нострадамуса. Откуда еще и такой провидческий дар?

Можно ли к Пушкину обращаться молитвенно, как к замечательным святым старцам? И можно ли получить ответный Луч?

Среди ликов наших канонизированных святых не видится ли в будущем арапский профиль в золотом ободке? Конечно, маловероятно, чтобы формальный акт канонизации состоялся в ближайшее время. Но какой бы это был прорыв церкви к живому восприятию Бога! «Наше духовенство... достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями

папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации (читай — демократических реформ — Ю. К.) в тот момент, когда человечество больше всего нуждается в единстве. Согласен, что нынешнее духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все.

Оно не принадлежит к хорошему обществу». Это из письма Чаадаеву 1836 г. Все верно и для нашего времени. С той разницей, что лучшие представители православного клира «подровняли бороду» под самые высокие требования светской культуры. Но убереглись от «хорошего общества». И дай Бог последнему реально подтянуться к первым. Нет России без ее великих монахов. Нет России без ее великих мирян. То и другое вместе — Пушкин.

Стоит среди нашего взбалмученного житейского моря, среди анафем, зубоскальств, соловейразбойничьего посвиста Отечеству одинокая задумчивая фигура.

Стоит она среди политических, экономических, «культурных» нечистот нетронутая ими, — фигура ясноглазого, смещливого, остроязыкого человека, своего всюду: во Франции, Германии, Англии, Китае; стоит и говорит: «и угораздил меня черт родиться в России!», но клянусь честью, ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков такой, какой Бог ее дал».

Стоит человек многоцветно-прекрасный (с этим согласны все), но шибко уж неудобно-широкий, так что каждому хочется обуздить его под свой уровень. Попытаемся же сделать невозможное — вместить хотя бы часть его всевместимости, а значит, вырваться из состояния черни к состоянию Человека, способного внимать «арфе Серафима». Человека, который может стать когда-нибудь Богом.

Да святится имя твое, Александр Сергеевич!

В тягостном душевном запустенье
Только прикоснусь к его строке —
И потонут все ночные тени
В этой вечно утренней реке.
Перед тем, как кануть в океане,
Величав реки прощальный бег.
Тайной никакой не затуманен
Ясноглазый рыжий человек.
Что гаданья? Все гаданья — мимо.
Он ведь сам успел нам дать понять:
Быть поэтом — значит Серафима
Огненную волю исполнять.
И свечой горя в тумане тусклом,
Пробиваясь ландышем в пыли,
Каждой жилкой биться вместе с пульсом,
Русским пульсом Матери-Земли.
И арапской кровью не погребав,
У святош и хамов не в чести,
Вечный зов чужого черни Неба
Как завет Отцовский пронести,

КЛЮЧНИКОВ Юрий Михайлович
МИСТИЧЕСКИЙ ПУШКИН

Сдано в набор 15.07.92 г. Формат 60×84/16. Бумага офсетная №1.
Печ. л. 1.00. Уч-изд. л. 0,8. Тираж 1000 Заказ № 211.

СО «Детская литература». 630132, Новосибирск, Красноярская, 112.
Отпечатано в типографии СО РАМН. Новосибирск, Ядринцовская, 14.

Печатается по заказу Духовного центра
имени Сергея Радонежского

Духовный Центр им. Сергея Радонежского
планирует издать в 1992-93 гг.:

К.Э. Циолковский. Космическая философия. Сборник.
А.Л. Чижевский. Физические факторы исторического
процесса.

Ю.М. Ключников. О назначении России
Ю.М. Ключников. Три лекции о Блаватской
О молитве и медитации. Сборник.

Ю.М. Ключников. Вопросы и ответы по «Чаше
Востока».

*Ваши заказы, отзывы и пожелания шлите по адресу:
630132, Новосибирск, Челюскинцев, 11,
Дворец культуры железнодорожников, комната 205,
Духовный Центр им. Сергея Радонежского*